

Человек-легенда

Не было нерешаемых вопросов

Друзья, родственники, коллеги Ивана Ромазана поделились воспоминаниями о народном директоре Магнитки

Иван Ромазан

Валерий Плошкин, Анатлий Пестряков, Иван Ромазан, Аркадий Кривошейко

С его именем в городе обособленно связывают строительство Ледового дворца и Казачьей переправы, преодоление проблем перестроечной поры – нехватки товаров повседневного спроса и продуктов питания, ускорение в решении жилищного вопроса в Магнитке и выход на рекордные производственные показатели на ММК.

Валерий Плошкин, во второй половине восьмидесятых – главный сталеплавыльщик комбината:

– В день памяти к могиле Ивана Харитоновича двадцать семь лет приходим без напоминаний – все единомышленники знают: встреча в двенадцать. Он нам, сталеплавыльщикам, был как отец родной, но спуска не давал – именно потому, что коллеги, «свои». И к себе был такой же требовательный. По графику постоянно шли ремонты мартенов – в каждом цехе одна печь или только-только остановлена, или её чистят, или ведут интенсивный ремонт, порой даже «здоровую» печь останавливали, чтобы не сбивался график ремонтов. И Иван Харитонович – директор! – сам контролировал состояние сводов печей при эксплуатации.

Вспоминается, как ездили с магнитогорской делегацией на Криворожский металлургический на выплавку стомиллионной тонны стали – я тогда был старшим мастером первого мартеновского цеха. Для большинства из нас это была поощрительная поездка, а Ромазан, главный сталеплавыльщик, готовился к выступлению: представлял ММК. После торжеств отправились на автобусе в турпоездку по Украине, а Иван Харитонович не дал себе расслабиться: вместо отдыха отбыл в Магнитку – беспокоился за производство.

Михаил Петров, во второй половине восьмидесятых – заместитель директора ММК по быту:

– Приняв на себя управление комбинатом, Иван Харитонович одной из первых задач ставил обеспечение металлургов жильём. Кто помнит: шестнадцатизэтажка у мэрии, в народе – «айсберг», и «польский городок» – его детища. Магнитострой собирал для ММК коробки, а отделкой занимались сами подразделения. Но в решении квартирного вопроса необходимы были новые подходы. Эту задачу решили, открыв жилищно-инвестиционный фонд «Ключ», действующий по сей день.

Вторая половина восьмидесятых позволила сделать мощный рывок в строительстве жилья: сдавали по восемьдесят тысяч квадратных метров в год – после прежних пятидесяти-шестидесяти тысяч. В ту пору удалось расселить метизную площадку, начали программу расселения из щитовых домов на Полевой и Берёзках – целиком удалось завершить её уже после смерти Ивана Харитоновича. Большое внимание он уделял капремонту жилфонда: выбили три миллиона рублей в Минчермете, отреставрировали, перебрали на них обветшалые дома на улице Чайковского – до сих пор живы.

А программу, по которой заработал ЖИФ «Ключ», создавали по заказу Ивана Харитоновича: он в Ярославле ознакомился с похожей и затребовал от нас спланировать свою, местную. Коммунальщики комбината разработали такую до 2005 года – она на ВДНХ получила

серебряную медаль. И пока не стало лихорадить экономику, мы выдерживали выполнение планов. Ромазановское – оно всё крепкое.

Вячеслав Егоров, во второй половине восьмидесятых – начальник коксохимического производства:

– Одним из важнейших объектов в наследии Ивана Ромазана стал новый цех улавливания КХП, возникший благодаря директорскому замыслу модернизации химического крыла. При Ромазане начали реализацию проекта, а завершили его последователи – даже дефолт только приостановил его, но не отменил. Строительство цеха улавливания позволило отказаться от старых технологий, сократить вредные выбросы предприятия на 75 процентов. Ромазан если за что брался, – доводил до конца или обеспечивал условия для осуществления планов, потому что был очень требователен и к себе, и к людям – ради дела, высоко ценил в людях трудолюбие. Но умел разрядить обстановку: когда работал на Нижнетагильском комбинате, в напряжённой ситуации, бывало, отшучивался: «Вы со мной поосторожнее – у меня нога железная!»

Василий Кувшинов, во второй половине восьмидесятых – начальник планово-экономического отдела:

– С Иваном Харитоновичем знаком с тех пор, как он был главным сталеплавыльщиком, а я начальником ЛПЦ-3. В цехе на тот момент освоили технологию производства белой жести электролитического и горячего лужения из холоднокатаного металла, оцинкованного металла на агрегате непрерывного горячего цинкования, тончайшей кинескопной ленты для изготовления теневого масок приёмников цветного телевидения, прокатки холоднокатаного листа с зеркальной поверхностью 11-го класса обработки для полиграфической промышленности, благодаря чему типографии страны перешли на офсетный способ печати. И всё это – впервые в стране. Продукция эта была дорогостоящая, и к её качеству предъявлялись высокие требования, а оно зависит от качества выплавляемой стали.

Иван Харитонович на совещаниях по качеству внимательно выслушивал замечания и принимал меры для улучшения ситуации. Помню, как в 1984 году, когда он стал исполняющим обязанности директора на время отпуска Леонида Радюкевича, в конце месяца возникли сложности с выплавкой стали, что сказало на объёме производства проката. Ромазан пригласил меня в кабинет, скрупулёзно расспросил, как складывается ситуация по объёмам производства всех видов продукции. Конечно, был недоволен результатами. Сказал: «Вася, – он всего на год младше меня, всегда ко мне обращался по-домашнему, по-братски даже, и я видел в этом знак доверия. – Вася, клянусь, на какой бы должности я ни был, через два-три месяца сталь пойдёт в гору. Только ты постоянно подавай мне статистику». Я был поражён его уверенностью. Но это была не бравада, а твёрдое обещание специалиста, подкреплённое железной самодисциплиной и требовательностью в деле – ни себе, ни другим спуска не давал. И уже через пару месяцев сталь «пошла в гору». А через два года Магнитка выдала свой знаменитый рекорд: шестнадцать миллионов тонн стали в год.

Один эпизод хорошо иллюстрирует его характер – человека сурового,

но справедливого. Однажды, в бытность главным сталеплавыльщиком, после посещения мартеновских печей он не мог добраться вовремя на оперативное совещание: сломалась машина. Поймал попутку. Водитель, услышав, что пассажиру нужно к заводу, перешёл на «производственные» темы:

– Говорят, Ромазан из Нижнего Тагила вернулся. Ох и зверь: никому жизни на промплощадке не даёт.

Добравшись до места, Иван Харитонович поблагодарил водителя и завершил разговор: «Я Ромазан». Была немая сцена. А что до «жизни не даёт», так тут обижаться не на что: где производство, там повышенная ответственность.

Евгения Ромазан, вдова Ивана Харитоновича:

– Мы с Иваном Харитоновичем словно росли вместе – так хорошо понимали и знали друг друга. Помню, со свекровью ждали его – жили с ней и золовкой – с вечера встречи с однокурсниками по индустриальному техникуму. Возвращается за полночь, и в момент, когда открывает дверь, по радио сообщают об убийстве Роберта Кеннеди. А он у меня всегда ассоциировался с Иваном Харитоновичем: что-то общее было в верхней части лица – глаза, чёлке. Помню, он уже вернулся, можно не беспокоиться, а я из-за этого сходства всё по комнате хожу, машинально дочку укачиваю, не могу избавиться от состояния тревоги, будто с мужем что случилось. Потом надо мной всё подшучивали: о ком больше переживала в тот момент? Но, наверное, подсознательно я всегда видела в Иване Харитоновиче лидера, человека, способного достигать большего, потому что ни в каком деле для него не было мелочей. Он в магазине не допускал, чтобы ему «прощали» мелочь – если не находилось в кошельке, назавтра присылал меня рассчитывать. И не извинял предательства: однажды уволил руководителя подразделения за то, что отпрашивался на несколько дней по своим делам, а объяснил поездкой на похороны матери – живую «похоронил»! Иван Харитонович долго переживал этот эпизод. С нежностью относился к собственной матери: в том, что он многого добился в жизни, сказывается её закалка.

Уже после его смерти стало понятно, как много было «предупреждений». За месяц до того перед сном что-то стучало в окно, словно ночная птица билась в стекло. И весь месяц Иван Харитонович какой-то задумчивый был – может, сердце уже сдавало, и он неосознанно прислушивался. Купил внуку игрушки. Вроде планировал по отдельности подарить, чтобы ему и себе продлить удовольствие – и неожиданно принёс обе сразу, будто боялся не успеть. А в тот самый, чёрный день я делала уборку в квартире, но как-то не ладилось: то разолью, то уроню. Думаю: наверное, передохнуть надо, всё из рук валится – и тут первый звонок. Но сразу же положили трубку, словно не решились говорить. И снова звонок. Валивахин – на том конце провода: «Ивану Харитоновичу плохо». В это время в серванте обрушивается полка с посудой, что он покупал. Я ещё не осознаю, что происходит, но уже ощущение катастрофы...

Без него я так и не научилась управлять жизнью, как он. Он ведь реактивный был – все вопросы были решаемы. Для него неподъёмных задач не было.

Подготовила
Алла Канышина